

Кулинич Александр Александрович

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОГО КОМАНДОВАНИЯ В ПРУТСКОМ ПОХОДЕ 1711 ГОДА

В статье освещается процесс подготовки и проведения Прутского похода, подробно анализируется слабоизученный первый этап движения русских в ойск до молдавской границы. Автор рассматривает конфликтные ситуации в среде русского командования на военных советах мая-июня 1711 года, выявляет альтернативные предложения и причины, побудившие выбрать "дунайский" вариант движения войск. На основе полученных данных выявляются причины поражения русской армии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/5-3/27.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. III. С. 109-113. ISSN 1997-292X

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47)05.3

Исторические науки и археология

В статье освещается процесс подготовки и проведения Прутского похода, подробно анализируется слабоизученный первый этап движения русских войск до молдавской границы. Автор рассматривает конфликтные ситуации в среде русского командования на военных советах мая-июня 1711 года, выявляет альтернативные предложения и причины, побудившие выбрать «дунайский» вариант движения войск. На основе полученных данных выявляются причины поражения русской армии.

Ключевые слова и фразы: Россия; Петр I; Османская империя; русская армия; Прутский поход.

Кулинич Александр Александрович

*Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского
zu7771989@gmail.com*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОГО КОМАНДОВАНИЯ В ПРУТСКОМ ПОХОДЕ 1711 ГОДА©

Прутский поход 1711 года Петра, окончившийся поражением, с самого начала вызывал удивление современников, выделяясь своим нелогичным результатом. Как регулярная русская армия во главе с выдающимся деятелем Петром Первым и опытными его военными сподвижниками, овеянная славой Полтавской виктории над шведами, через 2 года попадает в окружение турецким ополчением, с недостатком в припасах и фураже, вынужденная признать свое поражение? Причины, приведшие русскую армию на грань катастрофы на Пруте, разнообразны и проистекают ещё с самых первых месяцев Прутского похода.

Прутскому походу посвящена достаточно обширная историография: как специально посвященные работы русско-турецким отношениям [2; 14; 30] и конкретно русско-турецкой войне 1710-1713 годов [4; 28], так и в рамках общих исследований истории петровского времени [1; 12; 15; 32]. Однако основное внимание приходится на вторую часть похода, с июня месяца, тогда как предшествовавшее этому время первого этапа похода до театра войны, до Молдавского княжества, изучено пока слабо [10], хотя причины неудавшейся операции кроются здесь. Прутская «кампания» оставила заметный след в воспоминаниях, рассказах современников и очевидцев, в исторических сочинениях, а также сохранилось много актового материала: это указы Петра и служебная переписка участников. Однако некоторые противоречия данных из источников требуют своего разрешения.

Обострение отношений между Россией и Османской империей началось ещё в 1702 году, после Полтавского сражения и бегства Карла XII в турецкие владения. Османская империя к этому времени переживала общий структурный кризис изжившего себя феодального строя [11, с. 205]. Султан Ахмед III даже среди вереницы турецких султанов XVIII века выделялся своей апатичностью и равнодушием к государственным делам. Его больше занимало разведение тюльпанов (отчего вся эпоха получила название «эпохи тюльпанов»). Россия, наоборот, находилась на громадном подъеме, совершавшемся Петром после Полтавской победы. Война между Россией и Турцией могла начаться ещё в 1709 году, головной болью в отношениях двух стран стал шведский король. Но в начале 1710 года стороны договорились. Мир, подписанный на 30 лет, продлился чуть больше полугода. За это время сменили двух визирей; поставленный новый визирь, бывший евнух Балтаджи Мехмед-Паша, был ярким противником России. Идею войны с Россией активно поддерживали и зарубежные дипломаты, особенно активно – французская дипломатия. Традиционное представление в историографии о кознях английской дипломатии является неверным [10; 14]. Об этом говорит сдержанная реакция английских послов на объявление турками войны [31]. Оттоманская Порта до последних дней продолжала колебаться в вопросе об объявлении войны.

Всё решил приезд крымского хана Девлет-Гирея. Крымским татарам война была жизненно необходима. В условиях кочевой жизни набеги на русские территории представляли собой главный источник их существования. Как писал П. А. Толстой, «татары де не имеют, чем кормиться, понеже де которую дачу имели и продавали, и тем кормились, а ныне до того ничего нет» [24, с. 79]. В условиях полной зависимости от войны приходилось идти на отчаянные меры. По приезде в Стамбул хан стал проводить длительные, по 5-6 часов, совещания с турецкими министрами, визирем, а также призывал турецкий народ на войну, что дало ему огромную популярность. Его речи были яркими и зажигательными, аргументы неоспоримыми [31, р. 25]. Хан из гостя Стамбула превратился в его хозяина. Султан, перестав колебаться, согласился на объявление войны. 9 ноября 1710 года единодушные крики «Зафер Истериз! Зафер Истериз!» (Хотим войну!) возгласили об объявлении войны России [25]. Русский посол П. А. Толстой был униженно посажен на мерина и проведен через город в тюрьму Едикюле (Семибашенный замок) [31, р. 27-28]. Момент для объявления войны был подходящим ещё в 1709 году, и с точки зрения Турции это решение было правильным и своевременным. Рано или поздно Петр обязательно обратил бы свое внимание на южные рубежи. Достаточно вспомнить «фальшивое миролюбие» Петра при заключении вечного мира со шведами незадолго до Северной войны. И только в условиях занятости царя на севере в войне со Швецией туркам можно было надеяться на успех.

Османская империя имела такое же материальное обеспечение для ведения войны, как и в последней масштабной войне 1683 года [25], что предполагало большую численность армии, артиллерии и наступательный

характер действий. Собранные «сребролюбивым» Ахмедом средства позволяли полностью обеспечить оружием и снаряжением войска. «А провианта в турецких землях такое изобилие, что можно было бы целый год снабжать им Францию, Италию и Испанию, и страна даже не заметила бы этого» [Там же].

Перед Петром Первым стояло несколько возможных направлений для наступления. Был выбран наступательный план в балканском направлении: стремительный переход через русские, польские, украинские земли, пересечение территории Молдавского княжества и выход к переправам на Дунае – стратегическом рубеже на Балканах. Без внимания Петра не оставались сообщения, поступавшие от балканских народов; балканские информаторы давали проникновенную характеристику положения и настроения православного населения. 23 марта Петром в манифесте балканским народам цель этого похода была сформулирована так: «объединимся против врага, и опояшем себя шпагой, начнем войну, прославив царство наше, ибо ради вашего освобождения я иду на муки» [18, с. 153]. При всей склонности к шутовству на религиозной почве он отнюдь не пренебрегал обязанностями и понятиями христианина. Все это вылилось в мысль о богоугодности и справедливости войны с турками.

Также существенную помощь обещали государь Молдавии Дмитрий Кантемир и государь Валахии Константин Бранковяну. Они обещали войти в подданство России, также собрать провиант для русской армии. Надежды на поддержку государей Валахии и Молдавии определили решение Петра двинуться на их территорию. В задачи новых союзников входило обеспечение войск провиантом и фуражом, а также набор войска. Началом похода можно считать выход 10 января из Риги фельдмаршала Б. П. Шереметева «с поспешением» с драгунскими полками к «турской границе». Шереметеву было приказано идти на соединение к Брацлаву к началу апреля. Однако фельдмаршал двигался намного медленнее, чем было запланировано. Поход лежал через белорусские и припятские земли. Приходилось идти по болотистой местности во время весенней распутицы. К этому прибавлялась надобность устраивать подводы для идущего позади Петра. Марш был хоть и медленным, но на этом отрезке пути никакой вины фельдмаршала не было. Насколько распутица и паводки замедляли скорость марша, видно на примере скорости курьеров и нарочных: при обычно требуемой скорости в 12-13 верст в час и 80 км за день, во время таких погодных условий время нахождения в пути увеличивалось как минимум вдвое [3, с. 145].

25 февраля в Успенском соборе Кремля был зачитан манифест о начале войны с Турцией. Каким-то мистическим образом, предвидя будущую ситуацию на Пруте, из всего многообразия библейских образов была выбрана проповедь о выведении Моисеем народа Израиля из плена [27, с. 293]. После этого Пётр выехал в Луцк, где были собраны с большим опозданием русская армия и генералитет. Здесь в Луцке произошло событие, имевшее большое значение в истории российско-молдавских отношений, – заключен Луцкий договор.

К этому времени проявляется проблема дефицита провианта. Она хоть и названа хрестоматийной, однако должным образом еще не исследована. Вопрос о провианте решался с первых дней похода. Предполагалось ставить магазинные части линией с севера на юг, параллельно движению армии: от Прибалтики, Белоруссии, далее в Волини, Украине, Польши, заканчивая магазинами на левом берегу Днестра. Руководителем сбора провианта от Прибалтики до Польши и Украины был назначен Б. П. Шереметев. Эти магазины, строившиеся в Пинске, Давыд-городке и других городах Прибалтийско-белорусских земель, обеспечили на несколько месяцев запасы на каждую дивизию. Общая совокупность таких мер не только разрешала продовольственный вопрос, но должна была в конце мая предоставить ресурсы на 4 месяца вперед [26, с. VIII]. В начале апреля с провиантом возникают большие трудности, которые стали преследовать до самого конца похода. Сложилось мнение, что вина за продовольственный кризис весной 1711 года лежит на генерал-лейтенанте М. М. Голицыне [Там же]. Ещё в декабре 1710 года Пётр приказывает М. М. Голицыну: «приблизитца к волоским границам ...поставить войско на контонирах и с тех квартир... свозить провиант и фураж на войско строить магазины для приходу и протчаго войска» [17, с. 444]. Те магазины, которые Голицын создавал в Польше, ушли на обеспечение находившихся там драгунских полков. 6 апреля он получил новый приказ Петра, чтоб «с украинских мест збирать провиант, а которые изменили, у тех все обирать, а имянно: хлеб, и волю, и протчей скот... И сие конечно нужно и бес того обойтица невозможно...» [18, с. 163]. Однако это не было исполнено. Причин тому несколько: Украина пережила 1709 год – год разорительного шведского нашествия, от которого она ещё не оправилась. Вот что пишет датский посол Юль, шедший вслед за армией по Украине, о том же Немирове: «Собственно, Немиров жалкий пустынный город с разрушенными по большей части домами... Саранча дочиства съела хлеба вместе с соломой и полевыми травами» [27, с. 351-352]. И это было в районе центра сбора провианта! Сам Голицын заранее предупреждал о маловероятности сбора провианта на такой срок: «но ни по которому образу сего учинить невозможно, дабы на 3 месяца с тамошних мест собрать, понеже весьма народ тамошний... разорены, как от татар, так и от изменников» [26, с. 22]. Что касается сбора провианта в Польше, то и он проходил с заметными трудностями. Не имея возможности просто собрать провиант, генерал Вейде рассылал циркуляры с просьбой полякам о продаже ему провианта за деньги [22, д. 15, л. 2 об.].

Ещё хуже было состояние магазинов на левом берегу Днестра. 16 июня Г. Ф. Долгорукий сообщил: «было нам указано на всю армию изготовить провианту... в путь на 2 месяца, но такие магазины по указу не учреждены». Об этом с опозданием Голицын писал: «для опасности от неприятеля, и пустоты того краю ближе Дубна и Бродах быть магазину невозможно» [18, с. 553]. Тревога Голицына была обоснованной, неоднократные набеги совершали татары из Буджацкой орды.

Собрано Голицыным с 6 полков было 13000 хлеба четвертей, 2400 лошадей, 6000 баранов, 4200 волов [26, с. 24]. В 1711 году в инструкции царевичу Алексею Петровичу о сборе провианта на армию при закладке магазинов Петр указывал следующий паек на одного человека: 2 ф. хлеба, ½ ф. мяса, четверть четверика

круп на месяц [17, с. 731-732]. Собранного провианта Голицыным хватило всей армии примерно на месяц. Пётр Первый впоследствии ни разу не упрекнул того в нарушении его указов, видимо, понимая, насколько трудновыполнимой была такая задача в апреле-мае 1711 года.

7 мая Пётр в указе Шереметеву объясняет цели предстоящего похода: «Нам непрестанные прошения от господарей волоцкого и мультянского доходят, что мы, как наискорее поспешили... к Дунаю, ...что увидя, турецкой везирь за Дунай пойти не отважится, и большая часть войск его разбежится» [18, с. 221]. Шансы на успех в деле достижения Дуная ещё оставались. План состоял в том, чтобы «послать фельдмаршалка графа Шереметева с корпусом кавалерии... учиняя военный совет, итить ...трудиться оным (мостом) (*на Дунае – А. К.*) овладеть или его разорить» [Там же].

Несмотря на полученный от Петра приказ, Шереметев двигался крайне медленно. К Бреславлю, куда планировалось быть «лучше» к апрелю, прибыл только 16 мая. За 17-21 мая прошел всего 12 километров, в среднем по 2,5 километра в день [26, с. 32-34]! Потеряв 5 дней, фельдмаршал ещё три дня ищет мост для переправы через Днестр, объясняя, что были «зело великия горы». Лишь 1 июня переправился через Днестр около крепости Сороки. Средняя скорость движения авангарда составила около 6 километров в день. Это стало ключевым моментом в походе. Турки к 1 июня подошли к дунайским переправам. План, главным пунктом которого было достичь Дуная раньше турок, был окончательно сорван. Известие об этом привело Петра в крайнее раздражение: «О замедлении вашем zelo дивлюсь» [18, с. 285]. Дело не только в самом Шереметеве, скорее в неудачном выборе Петром руководителя авангарда. Фельдмаршал всегда отличался «основательностью и крайней осторожностью. Наряду с этим проявлял и медлительность, и порой эти качества так тесно переплетались, что их невозможно отделить друг от друга» [16, с. 69].

Остальная армия вместе с Петром из-за проблем с провиантом только 12 июня достигает Днестра. Русскими войсками было пройдено за 4 месяца свыше 1200 километров. Для своего времени это была уникальная по своей протяженности переброска войск. Тогда же турецкие войска прошли от пункта сбора в Эдирне до переправ на Дунае всего 400 километров.

14 июня был созван военный совет. Генерал Аларт предупредил царя о возможном повторении неудачного похода шведского короля, высказав готовность остаться на Днестре и ждать турок на переправе. Этот разумный план Пётр не принял, так как он этим нарушал бы данное им обещание прийти на помощь балканским народам. Пётр дорожил своим словом, говоря позднее, что «отступить от своего слова, значит перестать быть государем» [20, с. 201]. Поэтому решено было двигаться в Молдавию на соединение с Шереметевым и господарем Кантемиром. Кантемир в своем «Описании Молдовы» так характеризовал эти земли: «часть сороцкого округа из-за отсутствия воды и лесов необитаема, и в этом отношении является единственной такой местностью в Молдавии... на более точных картах обозначается как пустыня» [9, с. 21]. Здесь шла русская армия, теряя каждый день множество умирающих.

Пройдя через такие мучения, к 25 июня армия подошла к Пруту изрядно потрепанная. Кантемир ещё в начале июня говорил, что «хлеба zelo мало». Не знали, как отправить провиант с собранных на севере магазинов, планировалось даже «по пруту реку плотами согнать». Современники (генералы Аларт, Вейде и др.) часто обвиняли Кантемира, что он обещал провиант, но обманул. Хотя никакого обмана не было: в Молдавии и по обоим берегам Днестра в тот год выдалось рекордно засушливое лето. Хлеба по всей стране было только на три дня армии. Больше дать Молдавское государство в условиях жестокой засухи просто не могло. То, что волошский господарь обещал дать, а именно скот (15 000 баранов, 4000 волов) и 5-6 000 войска, то он и дал [18, с. 546].

28 июня в Яссах состоялся военный совет «о воинских действиях против неприятеля». Было принято решение о походе всей армии к Дунаю и посылке в Валахию отряда под командованием Ренне для входа в тыл турецкой армии и взятия крепости Браилова на Дунае. Эти решения были восприняты в штыки немецкой партией, напомнившей, что «турки побеждали всякий раз, как против них войска действовали отдельно» [4, с. 74]. Решение самым губительным образом повлияло на дальнейший исход войны. Пётр, впоследствии анализируя ошибочные решения этого совета, говорил, что «сей марш zelo отчаянно учинен для обнадеживания господаря мультянского» [5, с. 176]. Бранковяну изменил данным своим обещаниям и перешел на сторону Османской империи. Эта политика привела его к казни; турки, прознав о его прошлых переговорах с русскими, обезглавили его и его семью [29, р. 254]. Свою роль в разделении войск сыграл и валашский боярин Фома Кантакузин. Он уверял, что русский отряд сумеет вдохновить валахов на поднятие восстания. Пётр доверился этим мнениям и принял решение переправиться всей армией на правую сторону Прута и маршировать навстречу туркам к Дунаю. В это же время 29 июня турецкая армия, двигаясь вдвое быстрым маршем, по левому берегу Прута пошла на сближение с русской армией [28, S. 309].

Русскую армию преследовали те же трудности, что и ранее. Приходилось идти и ночью, и днем, практически не высыпаясь. Другой проблемой во время марша вдоль реки Прут было отсутствие питьевой воды, о присылке которой в армию постоянно напоминали генералы [21, д. 86]. Выявлялись и новые ошибки: карты, которые имелись на руках у русского командования, показывали, что по берегам Прута «было назначено множество городов и деревень». Но армия продвигалась, «не видав ни города, ни деревни, но кое-где близ лесов рассеянные лачужки, которые показались жалкими обителями» [8, с. 372].

4 июля были получены тревожные известия о приходе турецкого войска с визирем к местечку Траян близ устья Прута. Тогда Пётр отдал приказ генералу Янусу: «Пас по реке Пруту одерживать, дабы неприятель безвестно чрез ту реку не перешел» [19, с. 54]. В «Письмах и бумагах Петра» указ был опубликован по записи у Моро: «Идти по реке Пруту восемь миль до того места, где турки... должны были наводить мосты. Если генерал

их найдет, он должен на них напасть и разрушить то, что они построили» [18, с. 309]. Этот указ был составителями «Писем» неопределенно датирован 4-7 июля. Такое расхождение они объясняют тем, что в Походном журнале Петра указ датирован 4 июля, а у Моро – 7 июля [Там же, с. 563-564]. При сопоставлении двух источников выявляется, что верная дата указа содержится в Походном журнале, и эта дата – 4 июля. Во-первых, Походный журнал писался во время похода, и его данные о других указах точны, а Моро свои записки опубликовал через 24 года, естественно, неточные даты у него встречаются. Во-вторых, 4 июля Пётр получил известия о выдвигании турок, а он никогда не медлил с ответными указами. Причиной расхождения датировки могло быть и намеренное искажение Моро даты, так как этим скрывались нерасторопность и медлительность его начальника Януса, достигшего турок как раз 7 июля, то есть на 4-й день после получения приказа.

Увидев турок на противоположном берегу Прута, вместо нападения Янус повернул назад. Крайне важная задача – не дать переправиться туркам и тем самым выиграть время – выполнена не была. Заявление, что его преследовали 50000 войск, было полной ложью. Такое преступное неисполнение приказа, за что Пётр дал Янусу впоследствии отставку, привело к серьезным последствиям: турки переправились через Прут, и теперь русской армии грозило окружение. В ночь на 9 июля армия начала отступление вдоль реки Прут, но неприятель «жестoko в марше мешал». Русская армия была вынуждена остановиться вблизи урочища Нового Станилешты, став укрепленным лагерем в форме неправильного многоугольника. Турецкие войска расположились большим полукругом, в две линии, тянувшиеся вдоль всего лагеря, с противоположной стороны находились татары.

Численность русских войск в сражении определена достаточно точно: всего было 37538 человек. Из них конницы – лишь 6692 [4, с. 205]. Что касается численности турецких войск, то их было около 100000 человек, кроме того, татар около 35000. Вся армия из 130000-135000 человек, из которых конницы – 57800 [28, S. 425]. Явное преимущество имела турецкая армия и в артиллерии: у турок – 407 пушек, у русских войск – 122.

Сражение началось вечером 9 июля атакой янычарских отрядов на острый угол русского лагеря. Встретив решительное сопротивление, эти отряды отступили. Затем были ещё две попытки штурма, но и они не имели успеха. Примеры мужества показывала вся русская армия: от рядовых до генералов. «Фельдмаршал Шереметев, стоя за рогатками, увидел, что турок занес саблю на отделившегося от своего отряда. Он один бросился из-за рогаток, убил турка и захватил его лошадь как подарок Екатерине» [7, с. 122]. С наступлением темноты атаки прекратились.

Армия находилась в исключительно тяжелом положении – в условиях острого дефицита продовольствия, фуража, боевых припасов, продолжительного утомления. Особенно страдали войска от нехватки важнейшего ресурса – питьевой воды. Жара стояла нестерпимая, подходы к местам сбора питьевой воды постоянно простреливались, и эти сборы сопровождались большими потерями. Надо было действовать: или идти в атаку, или просить перемирия. На атаку с четырехкратно превосходящим противником не хватало конницы Ренне. Ночью, после тяжелых раздумий и долгих обсуждений Пётр принял единственно правильное решение – «предложить великому визирю перемирие».

Турки согласились начать переговоры. В турецком лагере наблюдалась нервозность. Утром 10 июля янычары отказались идти в бой, турецкое командование боялось бунта, и мир был в интересах турок. Выучка, мужество и дисциплинированность русской армии, а также ее более сильная огневая мощь, с одной стороны, и, с другой стороны, слабая дисциплина незаинтересованных рядовых турок, не имеющих опыта боевых действий, склонных к недовольствам и бунтам, бездарное турецкое командование с отсутствием военных знаний и без какого-то осмысленного плана сражения делали исход генерального дела сомнительным для турок даже при их неоспоримо более выгодном положении.

Потери русских в сражении составили 1485 человек убитыми, 1388 ранеными [13, с. 288]. Больше всего потеряли кавалерийские части Януса и генерала Аларта. О потерях турецкой стороны точных данных нет, они колеблются от 2000 до 9000 убитыми [31, р. 69].

О том, почему при заключении мира не были учтены интересы шведов, сказано много. В том числе, одна из причин кроется в самих принципах поведения Порты по отношению к другим государствам. Ее подметил проницательный П. А. Толстой ещё в 1702 году [24, с. 37]. По мусульманской традиции, все немусульманские страны рассматривались как территория войны – дар аль-харб, и их отношения с миром ислама – дар аль-ислам – могли быть лишь двух видов: либо войной, либо покровительством, которое немусульмане получали только в том случае, если соглашались на уплату дани, и тогда они зачислялись в категорию дар ас-сульх, а дальнейшие отношения с ними – как некое данничество или вассалитет [30, р. 121]. Швеция как немусульманская страна тоже рассматривалась как данник, и ее интересы при заключении мира попросту не рассматривались.

12 июня Прутский мирный договор был подписан, по которому Россия обязывалась вернуть Азов, разрушить ряд крепостей, пропустить шведского короля на родину, терять своего представителя в Стамбуле. Подлинные известия о случившемся передавались в Россию постепенно. Ещё в сентябре Сенат приговорил «о разсылке во все губернии указов об одержанной победе над турками» [6, с. 220].

Генерал А. А. Вейде кратко сформулировал причины поражения: «Но три вещи нас нагло погубили – не здоровые, без опасные и не искусные советы, неосторожность в запасах, и малосильство нашей конницы» [13, с. 342]. Причины можно разделить на две категории: одни – это неблагоприятные природные факторы. Прутский поход пришелся на пик разорения и опустошения украинских и молдавских мест, такие погодные условия не позволяли собрать нужное количество припасов, провианта и фуража. Также были и другие объективные причины – несравненно более длительное расстояние, преодоление которого сильно

утомляло войско. Все это приводило к падению скорости движения и большим небоевым потерям. Другое – это неудовлетворительное командование ряда военачальников от простой медлительности Шереметева до неисполнения приказов Янусом в нужный момент сближения войск. Третье – это упорство Петра, который придерживался плана помощи «православным народам», двигавшего его все дальше на юг. Что касается «малосильства» конницы, то в целом качество русской кавалерии оставляло желать лучшего. Малорослые лошади русской армии были менее подвижные и выносливые, чем турецкие лошади, и доля потерь от тяжелых маршей была велика [23, с. 23].

Организация управления сбором провианта была слабой. Провиантский приказ за время похода редко упоминался в указах Петра; какой-то действительно структуры, которая занималась исключительно провиантскими делами, у Петра не было. Учтя горький опыт похода в 1711 году, Петр ввел в армии военных комиссаров, которые стали заниматься материальным обеспечением полков. Военачальники, показавшие себя неудовлетворительным образом, такие как Янус и другие, были уволены. Проигранная война никак не повлияла на изменение того вектора исторического развития России, который ей придал Пётр Первый.

Список литературы

1. Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989.
2. Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709-1714). М.: Наука, 1990.
3. Вигилев А. Н. История отечественной почты. М.: Связь, 1977. Ч. 1.
4. Водарский Я. Е. Загадки Прутского похода Петра I. М.: Наука, 2004.
5. Гистория свейской войны (Поденная записка Петра Великого). М.: Круть, 2004. Вып. 1.
6. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1880. Т. 1. 1711 год.
7. Заозерский А. И. Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М., 1989.
8. Записки бригадира Моро-де-Бразе // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1977. Т. 8.
9. Кантемир Д. К. Описание Молдавии. Кишинев, 1973.
10. Кутищев А. В. «Итить в поход к Дунаю» // Военно-исторический журнал. 2011. № 9. С. 17-19.
11. Мейер М. С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991.
12. Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра I. М., 1984.
13. Мышлаевский А. З. Война с Турцией 1711 года (Прутская операция): материалы // Сборник ВИМ. СПб.: Военн.-учен. ком. Глав. Штаба, 1898. Вып. XII.
14. Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII века. М.: Наука, 1971.
15. Павленко Н. И. Пётр I. М.: Молодая Гвардия, 2003.
16. Павленко Н. И. Сратники Петра. М.: Молодая Гвардия, 2001.
17. Письма и бумаги императора Петра Великого. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 10 (1710 г.).
18. Письма и бумаги императора Петра Великого. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 11. Вып. 1 (январь-июль 1711 г.).
19. Походные журналы 1711-1713 гг. СПб.: Изд. 2-м Отделением Собственной Его Имп. Величества канцелярией, 1854.
20. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1977. Т. 8.
21. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Кн. 23.13.
22. РГАДА. Ф. 20.
23. Татарников К. В. Русская полевая армия 1700-1730. Обмундирование и снаряжение. М., 2001.
24. Толстой П. А. Русский посол в Стамбуле. М.: Наука, 1985.
25. Турция накануне и после полтавской битвы (Глазами австрийского дипломата М. Тальмана) [Электронный ресурс]. Доклад № 19. М., 1977. URL: vostlit.info/Texts/rus4/Tallmann/frameset2.htm (дата обращения: 10.03.2014).
26. Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев. Военно-походный журнал 1711 и 1712 годов / под ред. А. З. Мышлаевского. СПб.: Военн.-учен. ком. Глав. Штаба, 1898.
27. Юль Ю. Записки Юста Юля, датского посла при Петре Великом (1709-1711). М., 1899.
28. Kurat A.-N. Prut seferi ve barisi 1123 (1711). Ankara, 1951-1953. Vol. 1-2.
29. Neculce I. Letopisetul Tarii Moldovei. Bucuresti, 1990.
30. Sumner B. X. Peter the Great and the Ottoman Empire. Oxford, 1949.
31. Sutton R. The Despatches of Sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople (1710-1714) / ed. by A.-N. Kurat. London, 1953.
32. Wittram R. Petr I. Czar und Kaiser. Gottingen, 1964. Vol. 1.-2.

ACTIVITY OF THE RUSSIAN HEADQUARTERS IN THE PRUTH RIVER CAMPAIGN OF 1711

Kulinich Aleksandr Aleksandrovich

*Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky
zu7771989@gmail.com*

The article considers the process of the preparation and execution of the Pruth river campaign, analyzes in detail the understudied first phase of the movement of the Russian troops up to the Moldavian boarder. The author investigates conflict situations among the Russian headquarters at the military councils of May-June 1711, identifies alternative suggestions and reasons that stimulated to choose the “Danubian” variant of maneuvering. On the basis of the acquired data the researcher reveals the reasons for the defeat of the Russian army.

Key words and phrases: Russia; Peter the Great; the Ottoman Empire; the Russian army; the Pruth river campaign.